

Архитекторы в городе

Александр Привалов «Эксперт-ТВ» 20 апр 2011, 21:00



Каковы сегодня главные проблемы российского архитектурного сообщества? Что нужно кардинально менять в градостроительной и архитектурной политике Москвы и России в целом? Есть ли необходимость привлекать зарубежных архитекторов и урбанистов? Как решить проблему соблюдения российских строительных норм и техрегламентов иностранными специалистами?

— Здравствуйте, господа. В начале апреля российские архитекторы обратились с письмом к президенту Медведеву, в этом письме выражали недовольство тем, что последними решениями иностранным архитекторам разрешено строить в России, пренебрегая здешними правилами и нормативами, руководствуясь тамошними, заграничными. Вот об этом недовольстве российских архитекторов и о других проблемах, возникших в их сообществе, мы говорим сегодня с безусловным специалистом, членом правления Союза московских архитекторов, членком Международной Академии архитектуры Сергеем Скуратовым. Здравствуйте, Сергей Александрович.

— Здравствуйте.

— Ну, давайте сначала вот с этого сугубо технического вопроса. А чего это мы разрешили строить, допустим, под Москвой по каким-то голландским нормативам? Что такое?

— Ну, во-первых, никто не разрешал, а во-вторых, если это разрешат, и если американцам, ой, американцам, иностранцам, французам дадут такие преференции, то это будет подобно взрыву атомной бомбы.

— Почему?

— Потому что, Вы понимаете, те нормы и те правила, которые существуют здесь в России, они, конечно, несовершенны, они сильно несовершенны, они сильно тормозят все наши процессы и строительства, и создание каких-то

уникальных и даже не уникальных объектов, а эта система просто, понимаете, она как бы перенесена из Запада на нашу территорию, она мгновенно создаст как бы поле для недобросовестной конкуренции, потому что иностранцы...

— **Секундочку. Вот есть какой-то там, не знаю, француз, испанец, не важно, кто, вот он сделал проект какого-то здания для российского заказчика, этот проект отвечает европейским нормам безопасности, технологичности, всего такого прочего, в каком-то смысле имеет сертификат некий, уважаемый, скажем, в Европе, сертификат. Здесь проект, несомненно, будет привязываться к местности, иначе просто не бывает. Так почему же нельзя этому сертификату поверить здесь, почему надо, чтобы наши чиновники сорвали лишнюю стружку?**

— Ну, как почему? Потому что, во-первых, они не могут не сорвать.

— **Они все равно сорвут, я понимаю, но зачем им на это давать специальные полномочия?**

— Ну, тогда надо везти все. Надо везти и все материалы оттуда, бетон оттуда, технологии оттуда, рабочих оттуда. Ну, иначе как? Ну, Вы можете себе представить иностранных рабочих, наши материалы, иностранный проект? Что из этого получится?

— **Но простите, но это же бывало неоднократно, Так почему нет?**

— Бывало, бывало. Хорошо, а если все это рухнет? Не по причине плохого проекта, а по причине просто некачественного строительства или по причине того, что там, ну, не знаю там...

— **К сожалению, и такое бывало, ну так...**

— Этот замечательный французский архитектор не учел там, допустим, наши какие-нибудь там снежные нагрузки ли там еще какие-то моменты, ну, или отсутствие у нас, например, пожарной техники.

— **А вот давайте мы вот что установим. Мне это неизвестно, а Вам известно наверняка. Вот, существуют нормы, допустим, европейские, Европейского сообщества, вот, существуют нормы Соединенных Штатов Америки, они, по-видимому, чем-то различаются. Если американский архитектор будет строить в Париже, он будет руководствоваться исключительно европейскими, те не будут засчитываться?**

— Исключительно европейскими.

— **И наоборот.**

— И наоборот. Для этого существует архитектор такой, адаптер, сопровождающий проект, любой. В любой стране любой архитектор иностранный приезжает и работает вместе с местным архитектором. Он адаптирует проект под местные нормы.

— **То есть, в сущности, возмущение Ваших коллег, которые они выразили в письме к Медведеву, вызвано еще и тем, что они еще раз оттесняются от процесса.**

— Ну, и это в том числе, конечно, потому что ну кто будет защищать наше сообщество от того, что иностранный архитектор совершенно замечательный, какой угодно, но работает в нашей стране по своим европейским нормам. У нас же все другое, у нас все другое, мы ходим не с той ноги, встаем не с той ноги, дышим неправильно.

— **Сергей Александрович, извините, Бога ради, у нас те же законы Ньютона, (14:11) все примерно то же самое.**

— Нет, я все понимаю, да, я понимаю, но, тем не менее, у нас все по-другому немножко.

— **Понятно, законы Ньютона те же самые, а дышим по-разному.**

— Я все-таки этот вопрос очень хорошо знаю, я очень сильно недоволен, предположим, нашими нормами. И я стараюсь...

— **Насколько я понимаю, сильно устаревшие.**

— Они чудовищно устарели, но они подвязаны к нашим возможностям нынешним, и пожарные нормы, эвакуационные нормы, нормы, там, на бетон и так далее. Если мы возьмем любое здание, построенное у нас и построенное в Европе, у нас количество бетона, металла, всего, чего угодно, в разы превосходит, соответственно, и дороже, и...

— **А это правильно? Так должно быть?**

— Нет, конечно. Нет, конечно.

— **Так может, люди правильно и делают, что они те нормы перетаскивают сюда и через них будет и модернизация.**

— Да, конечно, просто другой механизм должен быть. Нельзя ставить два рядом как бы здания, один сделан по одним нормам, другой по другим.

— **То есть как нельзя? Всегда и бывает. Вот, до года №X действовали правила старые, с года X+1 действуют правила новые, вот стоят рядом два здания, выстроенные по разным правилам.**

— Да нет, надо делать одинаковые правила для всех.

— **Ну, правильно, но они все равно со временем меняются.**

— Да, со временем меняются, нужно взять какой-то переходный период очень простой, потому что наша экспертиза, которая существует сейчас в России, она по своему уровню квалификации гораздо ниже тех авторов, тех инженеров, конструкторов, архитекторов, которые строят конкретные дома. И эти люди вынуждены носить свои проекты и убеждать этих бабушек и дедушек, которые

там досиживают свою пенсию, или уже там находясь на пенсии, что-то, что они сделали, соответствует нормам. А если что-то не соответствует нормам, тогда кранты, тогда делать нечего, тогда ты должен все это упрощать, изменять ухудшать и так далее. Нет у нас...

— **Вы хотите сказать, что...**

— ... у нас должна быть зона экспериментального проектирования, которое позволяет брать ответственность на себя. Без этого вообще никак нельзя делать, без этого никакая наука строительная, какая угодно, не развивается.

— **То есть Вы хотите сказать, что где-нибудь там под Парижем существует зона экспериментального строительства, где французским продвинутым архитекторам разрешают плевать на брюссельские нормы?**

— Совершенно нет. Дело в том, что у них такие нормы, они существуют, они всегда идут за прогрессом, они всегда идут за инновациями, они всегда...

— **А у нас почему не так?**

— А у нас не так, потому что у нас удобно так, потому что...

— **Удобно кому?**

— Чиновникам.

— **Ну, как всегда. Властвующий класс. Я понимаю. А скажите, пожалуйста, а что же происходит? Значит, я... еще раз повторю, что я ни разу не специалист, но все-таки возникает некое странное ощущение, когда по любому сколько-нибудь значимому поводу, объявляются конкурсы, и местные архитекторы как-то вот так либо не привлекаются, либо просто остаются в стороне. Почему так? Вы с Вашими здешними коллегами настолько слабее тамошних коллег?**

— Нет. Абсолютно нет.

— **Вы выдерживаете сравнение с современным уровнем, скажем, европейским?**

— Ну, вообще мне не удобно об этом говорить, об этом должны говорить какие-то критики, но, во всяком случае, я считаю, что несколько десятков российских архитекторов работают на абсолютно мировом уровне.

— **А почему тогда в сколько-нибудь значимых, особенно удивляет правительственных государственных проектах, российские архитекторы не привлекаются или привлекаются слабо?**

— Все очень просто, потому что уважаемые чиновники едут на Запад, видят абсолютно комфортную систему, видят результаты их труда, которые встроены в эту систему, которая плоть от плоти этой системы, им, конечно, все это нравится, потому что там они проводят свое комфортное время, там они

изучают, там они смотрят, отдыхают. У них вот пребывание там связано с положительными эмоциями. Пребывание здесь, ну как бы вот с другими.

— **Сергей Александрович, у меня сейчас складывается впечатление, что Вы сейчас ответили на гораздо более широкий вопрос, чем я задавал.**

— Понятно.

— **Я ведь всего-навсего про архитектуру.**

— Так вот вообще во всем мире конкурсы — это норма. Во всем мире соревнования профессиональные — это норма.

— **Так они же открытые.**

— Они открытые, бывают закрытые, бывают заказные.

— **Ну, закрытые, когда определяется перечень.**

— Да, но, как правило, это происходит следующим образом. Происходит первый этап конкурса когда, он открытый, выбирается условно там пять-шесть команд, которые потом приглашаются на закрытый конкурс. Бывают многоэтапные конкурсы закрытые, когда собираются там пять, десять, пятнадцать профессиональных команд, потом выбирается две-три на финишный этап, но в любом случае всегда у них по закону архитектор выбирается только на конкурсной основе, на профессиональной. А не как у нас на основании 94-го ФЗ о госзакупках, где выбирается тот самый, который вот самый дешевый.

— **Понимаете, какое дело, Сергей Александрович...**

— Еще на один вопрос ответил.

— **...нет, как раз этот вопрос всплывает в этой студии в каждом третьем разговоре.**

— Не будем о нем.

— **94-й закон все-таки у всех стоит поперек горла, тут я, раз уж Вы его упомянули, я спрошу. Вот ведь тут сейчас он заколебался, тут же вот вроде начались какие-то шатания по поводу того, чтобы его маленько все-таки сдвинуть с того кошмарного места, перегораживающего все пути к прогрессу. Вы как-то поучаствовали в этом деле? Архитекторы что-то сказали? Строители что-то сказали?**

— Вы знаете, бывают разные же архитекторы. Бывают архитекторы практики, художники. Бывают архитекторы, которые талантливы в области юриспруденции и формирования определенных законов, своего общественного влияния, есть люди очень хорошо и умно говорящие. Я думаю, что кто-то, конечно, из архитектурного цеха принимал в этом участие, это и первый...

— **Но сообщество не играло в эту игру?**

— Ну, сообщество, в принципе, не было приглашено в эту... Есть Минрегионразвития, которое, в общем, архитекторов как-то, в общем, не очень почитает.

— Ну, оно никого не почитает. Хорошо. Скажите, пожалуйста, вот Вы упоминали о том, что наши нормы несколько поотстали от прогресса и, соответственно, все с каждым годом, с каждым пятилетием все более отличаются от, допустим, европейских норм. Что делается для того, чтобы это преодолевалось, для осовременивания наших норм и практик, для гармонизации их с международной практикой?

— Ну, понимаете, для этого должен быть какой-то все-таки диалог между тем, кто эти нормы пишет и между тем, кто эти нормы применяет. Этого диалога, к сожалению, нет. Вот этой вот обратной реакции снизу, я не знаю там, из профессионального экспертного сообщества, ее, эту реакцию, никто не выслушивает, потому что обычно это происходит на уровне столкновений между, допустим, архитектором, инженером, и пожарным, или там чиновником в Москомархитектуре там, или в каком-то другом департаменте, когда идет бодание по поводу отмены тех или иных норм, которые страшно устарели, и для этого случая всегда пишутся какие-то спецтехусловия. Спецтехусловия стали нормой...

— Для каждого конкретного проекта.

— Для каждого конкретного проекта стали нормой, за это платятся большие деньги, это все официально абсолютно, просто разрабатываются спецтехусловия по пожарным там, по каким-то еще позициям и дальше эти спецтехусловия согласовываются.

— Но это очень не оптимально.

— Это очень не оптимально. Это очень не оптимально, это очень дорого, это очередная кормушка.

— Это дорого и не очень ответственно, потому что спецтехусловия для этого объекта и для этого, они друг друга не поддерживают.

— Нет, они разные, конечно.

— Нет, и в этом смысле они каждый раз одинаково рискованные, так, если что-то общее, то оно по мере накопления практики становится незыблемым, а так ты каждый раз рискуешь.

— В этом смысле, конечно, европейские нормы, они гораздо более лояльны и более гибкие, потому что они прописывают только основные вещи, которые важны для человечества в целом, которые он хочет видеть там от жилья, общественного здания, там, какого-то транспортного сооружения.

— То есть у нас они более детализованные?

— Они у нас более детализированные и более конкретизированные, сильно конкретизированные. Ну, например, такая простая вещь, да, подумайте, например, инсоляция помещений, то есть это количество света солнечного, которое попадает в ту или иную квартиру, оно и ну строго нормируемо, не менее, там, полутора-двух часов на квартиру из двух или там трех комнат и так далее. Эта норма, на самом деле, страшно сковывает все наше градостроительство, потому что... понимаете, на мой взгляд, профессиональный взгляд, это надо продавать как опцию. То есть вот хочет человек квартиру с инсоляцией, значит можно ее сделать, но вовсе не все квартиры в нормальной городской среде получают с инсоляцией, поэтому можно делать плотнее...

— **Инсоляция имеется в виду, когда прямые солнечные лучи?**

— Ну, прямой солнечный свет в течение двух с половиной часов...

— **То есть, чтобы дом напротив не загоразживал, да?**

— Нет, он не просто, нет... ну, угол солнечного луча, Естественно, дом напротив, поэтому в такой ситуации дома можно ставить чаще, плотнее, да, там, даже в маленький, потому что у нас...

— **В таком случае я боюсь, что все наши зрители сейчас против Вас.**

— Нет.

— **Никто уже не хочет, чтобы дома были еще плотнее, ну, это невозможно.**

— Ну, как не хотят? Ну, центр городов всегда очень плотный, это Вы, допустим...

— **Вот насчет центров городов. Тут же в связи, ну, прежде всего, со сменой многолетнего градоначальника столицы, оживились разговоры насчет того, как правильно и как неправильно вести себя в центрах, исторических центрах городов. Как Вы относитесь к новой идее весь центр Москвы внутри Бульварного кольца объявить единой достопримечательностью и вообще от него отпрыгнуть, не трогать его больше ни пальцем?**

— Категорически отрицательно.

— **Вот и расскажите.**

— Ну, во-первых, все, что в центре есть, в общем, не все есть историческая достопримечательность.

— **Нет, а речь идет о том, что это целиком достопримечательное место, что правда.**

— Ну, территориально да.

— **Когда человек приезжает в малознакомый город, он идет в его исторический центр не к отдельному дому, не к ратушному зданию, а**

просто в центр, который целиком является некой достопримечательностью. Ведь даже в Москве так, хотя она, честно говоря, клочковата.

— Вы давно гуляли где-нибудь в районе Брюсова переулка?

— **Недели две как.**

— Можете вспомнить, хотя бы там по пальцам, сколько там исторических зданий?

— **Ну, что называть историческими? Скажем, здания, на которых висят мемориальные доски, ну, по меньшей мере, два.**

— Вот видите там, какая гигантская территория? Остальное...

— **Речь, повторяю, идет не об отдельных зданиях, о том, что целиком это все—таки некоторая сложившаяся данность.**

— Да, но данность очень большая, очень несовершенная, ужасно убогая, в которой негде поставить машину, где негде погулять, где дикое количество...

— **А вот, если Вы не будете ставить машину, будет, где погулять.**

— Ну, хорошо, если я живу в этом...

— **(14:48) пешеходную зону.**

— Ну, хорошо, если я живу в этом доме? Где мне ставить машину?

— **На Пушкинской.**

— На Пушкинской? А если я живу в трех километрах от Пушкинской? Все равно на Пушкинской?

— **Все равно на Пушкинской.**

— На Пушкинской. Ну, хорошо тогда. Я боюсь, что на Пушкинской площади не хватит места для всех машин.

— **Давайте не вдаваться в детали, просто понятно, на что эта реакция — вот это предложение.**

— Моя...

— **На дикую волну новодела...**

— Понятно, но это популистская реакция, это абсолютно популистская реакция.

— **А как надо?**

— А надо очень... надо сделать две вещи. Первое, надо понять, что центр города, вообще город, не может не развиваться. Развитие — это не только, не только бесконечное пристраивание, надстраивание, встраивание и так далее. Это все равно бесконечная реновация, потому что все равно возникают ветхие постройки, которые надо перестраивать, все равно существует изменение ну,

как бы качества изменения среды, меняются привычки, меняется как бы и статус людей, которые там живут. Всегда центр города — это, в общем, средний класс. У нас еще дикое количество очень бедных, очень убогих подъездов домов в центре города, их каким-то образом надо в эту систему встраивать. Дикое количество нерешенных социальных проблем, пространственно-социальных проблем в центре города нерешенных.

— **Что такое пространственно-социальная проблема?**

— Это взаимодействие, допустим, богатого дома и бедного дома. Это некая градостроительная этика. Это конфликт, уже заложенный изначально, когда, допустим, вспомните, строились цековские дома в среде, в общем, таких беднеющих интеллигентов, да, и там заборы вокруг них иногда делали, топтуны ходили и так далее. Вот это вот этический градостроительный конфликт. Дети, которые живут в этом доме, да, если они не успели сесть в свой черный автомобиль, они будут через 15 минут побиты другими там из других домов, другими же мальчишками, которые просто там, ну, по совершенно понятным причинам...

— **Видите ли, какое дело, вся социальная политика в течение нескольких десятилетий с 1917 по 1991-й была принципиально иной, чем до и после, поэтому конечно социальная картина Москвы несколько странноватая, сейчас она переходная, но это же не решает само по себе и не ставит новых архитектурных проблем.**

— Ставит, ставит.

— **Какие?**

— Во-первых, на мой взгляд, среда центра города должна быть достаточно однородна, однородна в плане какой-то, ну я не знаю, эстетики, не стилевой, а эстетики, ну понимаете, как вот Вы приходите на какой-то определенный, ну, не знаю, там, на какое-то мероприятие, у Вас есть там дресс-код. Вот у центра города тоже должен быть определенный дресс-код. Там не должно быть руин. Если эти руины и есть...

— **Ну, руин-то точно не должно быть, а вот насчет дальнейшего — это большие сомнения, потому что в центре, если мы сейчас говорим о Москве, конкретно Москвы, в центре Москвы весьма много всего за два с лишним столетия очень разных эпох, с очень разным эстетическим качеством, с очень разным современным богатством, не когдатошним, а современным, поэтому все это очень пестро. Кто это должен и должен ли выравнивать, и зачем это выравнивать? Это само по себе ценность.**

— Я понимаю, нет, конечно, не надо ничего выравнивать, но надо центр города делать привлекательным не только для жителей, но и для туристов, а для туристов он не привлекателен, и для жителей он тоже не привлекателен, прогулочные, надо какие-то скверы парки, надо ломать что-то, что не является

ценностью, на этом месте строить какие-то скверы, парки, бульвары, надо где-то уплотнять застройку где-то ее разряжать. В центре города должны работать нежадные, умные люди.

— Ну, умные еще ладно, я могу себе представить, что Вы где-то наберете, но где Вы наберете нежадных? Я не про Вашего брата, не про архитектора.

— Не знаю, не знаю. Нет, ни в коем случае не про архитекторов.

— Вы тут люди (18:40), я про заказчиков.

— Да, да, да.

— Где я возьму нежадных заказчиков для центра Москвы? Даже вообразить из не могу.

— Надо формировать. Надо законы такие формировать, чтобы было выгодно работать в центре.

— Какие? Вот простейший закон, который предлагают, Вам не нравится, просто не трогать центр и все. Это не нравится, это слишком просто.

— Он мне не нравится.

— А как?

— Дотации. Мне кажется, у нас не такое бедное государство, и что оно может прекрасно позволить себе устроить какую-то систему другую налогообложения, какие-то дотации, помощь, потому что...

— Налогообложение чего?

— Деятельности профессиональной, спонсорской, там, девелоперской и так далее. Если человек работает в центре и сохраняет культурное наследие. Для всех объектов в центре вообще должны быть отменены какие-то нормы. Для них должны быть вообще введены специальные режимы, потому что, ну, вот, например...

— Хорошо, специальные режимы должны быть не либеральнее, а жестче среднероссийских?

— Да, но жестче. Но там просто люди работают ответственнее. Вот, предположим, существует движение «Архнадзор».

— Да.

— Значит, это движение такое запретительное. Если это движение запретительное, например, поженить с движением «Давайте строить» «Давайте развивать», то можно на чем-то договориться, потому что...

— Если они друг друга не съедят.

— Нет, давайте попробуем, запремся в одной комнате на какое-то время и попробуем друг друга не съесть. Например, наши контакты с «Архнадзором» в последнее время, они достаточно позитивные. Ни понимают, что одними запретительными мерами ситуацию никак не сдвинешь.

— Ну, понятно, почему они нажимали на них более всего, потому что, по крайней мере, всю лужковскую эпоху это вопиющая была часть дела. Тут понятно, почему они именно этим занимались. Не очень понятно, откуда вдруг возникнет тот симбиоз, о котором Вы говорите.

— Как? Должны быть общие цели какие-то. Надо понять, надо выработать эту систему ценностей. В центре города есть какая-то... город должен быть для человека, а не для бизнеса только.

— Ну, как раз город Москва, он не для человека и не для бизнеса, он для чинуш.

— Ну, это понятно.

— Там совсем другая песня. Ну, вот когда Вы говорите о том, что нужен симбиоз между вот желанием защитить памятники и желанием развивать, Вы говорите и в том и в другом случае об общественных организациях?

— Да, конечно.

— А какова тут роль и возможна ли конструктивная роль собственно властей?

— Власти должны как-то в этом принимать участие и должны просто, выслушав обе стороны, может быть, приняв какое-то там решение взвешенное, как судебское решение, попытаться сформировать какие-то...

— Судье проще, у него кодекс лежит.

— Да, я знаю.

— А тут-то что?

— Ну, сложно, здесь, я не знаю, мне кажется, у власти очень тяжелая, но должна быть какая-то история с экспертными сообществами. Должны быть какие-то уважаемые эксперты, мнение которых будет достаточно убедительным для властей и понятно городу. Ну, в общем, нужны свои герои какие-то. Без этого очень сложно.

— Видите, на вопрос-то напрашиваетесь, на следующий вопрос. А эти герои-то есть?

— Есть, есть, конечно.

— Так, и их список более или менее общепризнан в Вашей среде?

— Ну, не знаю, ну, в общем, можно сказать, что да.

— Ну, может быть пока их как-то выдвигать на фронтальную линию? Может быть, когда объясняется очередной, скажем, конкурс, куда не зовут русских архитекторов, может, Ваши на табле встанут в строй и скажут: «Дмитрий Анатольевич, там, Владимир Владимирович, Дмитрий Феликсович, Анатолий Борисович, я не знаю, кто, Вы не правы». Может быть, пора что-то начать говорить? Может быть, быть тихо уважаемому в углу уже не достаточно?

— Ну, есть определенные проблемы. Во-первых, у Союза архитекторов нет такого замечательного, например, там органа, как телевидение, или там какая-то там газета типа (22:10)

— **Храни Вас, Господь. Зачем Вам собственное телевидение?**

— Или там канал, во всяком случае...

— **Телеканалов в Москве десятки. Что, проблема?**

— Ну, я, например, очень часто выступаю на разных каналах, но этого недостаточно. Это капля в море.

— **А что Вам нужно? Вам нужно, чтобы Эрнст дал Вам час в день? Вы надоедите всем через две недели так, что от Вас шарахаться начнут.**

— Я думаю, что просто, во-первых, никто не поймет, о чем я говорю, потому что все-таки Первый канал смотрят другие люди с другими целями.

— **Так, а чего Вам не хватает, скажите? Может мы сейчас прямо и придумаем?**

— Нам не хватает того, чтобы нас услышали, потому что у нас есть позиция, у нас есть точка зрения, у нас есть какие-то конкретные предложения. Вот, допустим, сменилась власть в Москве. Мы, честно говоря, ожидали, конечно, как идиоты, как вообще там, такие...

— **Как наивные люди.**

— Да, как наивные люди, совершенно, да, что вот сейчас придет новая власть, нас конечно же, спросят, а что нам дальше надо делать.

— **Мне за Вас, честное слово, неловко. Вы должны просто отдать себе отчет, что, когда господин Собянин оказался в кабинете Юрия Михайловича, у него занятий было на 72 часа в сутки. То есть он, может быть, и хотел бы Вас пригласить, ему некогда. Вы должны выступать пионерами, Вы должны пробиваться.**

— Да мы пробиваемся, но не так-то просто, потому что...

— **Понимаю.**

— Все-таки, понимаете, мы, ну, как бы мы — другие люди. Понимаете, вот я — архитектор, я строитель, там, я созидатель, я все знаю про свою профессию.

— **Стоп, когда такие вещи говорит композитор-академист, или человек, который играет на виоле да гамбо, я понимаю, Вы — строитель. Вам надо, между прочим, еще и выпить с рабочими. Вы должны быть пробивной.**

— Да, я пробивной.

— **Так, а чего же? Где ж оно все?**

— Ну, сложно очень, сложно, потому что, если ты все время будешь заниматься пробиванием, то у тебя уже не будет времени на то, чтобы созидать.

— **Ну, именно поэтому и нужны сообщества, чтобы все-таки это как-то разделялось на участников.**

— Да, да. Просто какую-то лепту я, например, лично могу в это внести, да там, а какую-то не могу. Я могу, допустим, влиять на круг своих заказчиков, что уже достаточно тяжело, да. Понимаете, работать с нашими заказчиками очень сложно, потому что они все другие люди. Они вот... они как правительство, только я имею возможность с ними встречаться каждый день и влиять на них, убеждать, объяснять, показывать, возить куда-то...

— **Результаты получаются?**

— Ну, пока получаются.

— **Ну, вот видите, наш сегодняшний гость полагает, что архитекторы в России есть и тех, до кого они дотягиваются, убедить в чем-то они могут. Вопрос только в том, чтобы они дотянулись до тех, до кого хотят. Всего доброго.**